

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ: БОРИС ПАСТЕРНАК. ЧАСТЬ I

Р. Д. Тименчик
(Иерусалим)

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – поэт. По ахматовским блокнотам рассыпаны даты взаимных пересечений двух биографий, начиная с эпизода чтения сборника «Четки» (частью которого был раздел «Стихи из книги “Вечер”») весной 1915 года (см.: *Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака* 2022: 160–162), упомянутого в автобиографии Пастернака, внесенной в автобиблиографию Ахматовой: «Пастернак: Автобиография. Paris» (Ахматова 1996: 212):

Je me la rappelle bien. Les rayons d'un coucher de soleil d'automne <sic!> sillonnaient la pièce et le livre que je feuilletais. Dans ce livre, le soir se retrouvait sous deux aspects. L'un posait un rosissement léger sur les pages, l'autre était le contenu et l'âme des vers qui y étaient imprimés. J'enviais l'auteur qui avait su retenir avec des moyens aussi simples les parcelles de vérité qu'il y avait apportées. C'était l'un des premiers livres d'Akhmatova, *La Passerine*, sans doute (Pasternak 1958: 86–87).

Ср.:

I remember it very well. The rays of the setting autumn sun furrowed the room and the book I was looking through. There were two kinds of evening in the book. One lay across it with a light rosy hue. The other was made up of the contents and the soul of the poems published in it. I envied its author, who was able to retain the bits of reality she had put into it with such simple means. It was one of Akhmatova's first books, probably *The Plantain* (Pasternak 1960: 82).

Ср. в оригинале:

Я хорошо помню. Лучи садившегося осеннего <sic!> солнца бороздили комнату и книгу, которую я перелистывал. Вечер в двух видах заключался в ней. Один легким порозовением лежал на ее страницах. Другой составлял содержание и душу стихов, напечатанных в ней. Я завидовал автору, сумевшему такими простыми средствами удержать частицы действительности, в нее занесенные. Это была одна из первых книг Ахматовой, вероятно, «Подорожник» (Пастернак 1967: 225).

См.: «Когда я сказала ему, что “Подорожник” не одна из первых книг, а одна из последних, и вышла она не в 14 г<оду>, а в 21<-м>, и нельзя ли это поправить, он замахал руками: “Нет, нет, там так много такого!”» (Ахматова 1998: 58). Ахматова была знакома с этим моментом в тексте до его публикации – в январе 1957 г. записано:

...Анна Андреевна обиделась на Бориса Леонидовича. Мельком, в придаточном предложении, он у нее осведомился: «У вас ведь есть, кажется, такая книга – “Вечер”?»

– А если бы я у него спросила: у вас ведь есть, кажется, такая книга – «Поверх барьеров»? Он раззнакомился бы со мной, перестал кланяться на улице, уверяю вас... Пишет, что «Подорожник» лежал у него на столе накануне войны. А «Подорожник» вышел в 1921... Совсем провалился в себя. Не видит уже никого и ничего (Чуковская 1997b: 234; подход к интерпретации сдвига см.: Амелин, Мордерер 2009: 179–183).

К моменту писания автобиографии Пастернак уже прошел сквозь опыт рабочего толкования непонятой собеседником шутки Ромео о врачевании разбитого сердца кровоостанавливающим подорожником (ср. «...кусоч / Кровоостанавливающей арники» в «Марбурге» – Пастернак 2003: 102):

R o m e o
Your plantain leaf is excellent for that.
B e n v o l i o
For what, I pray thee?

R o m e o

For your broken shin.

B e n v o l i o

Why, Romeo, art thou mad?

Р о м е о . Хорош при этом также подорожник.

Б е н в о л и о . При чем, дружок?

Р о м е о . При переломе ног.

Б е н в о л и о . Да ты не спятил?

(Шекспир 1944: 21)

Об амбивалентной семантике ахматовского «подорожника» см.: Пугачева 2014: 103; Стрыгина 2021: 42–43. Предпочтение, оказанное «Подорожнику» среди иной ахматовской титулатуры, связано, видимо, со скромностью растения, его самоумалением – ср. «Мне чудится смиренный подорожник» в стихотворении «Надпись на книге “Подорожник”», впервые напечатанном в сборнике, который Пастернак рецензировал (см.: Ахматова 1943: 43), и созвучием пастернаковскому девизу о поэзии, которая «валяется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы ее увидеть и подобрать с земли» (Пастернак 2004: 229).

Погружению Пастернака в сборник «Четки» предшествовало знакомство с ее стихами с голоса Маяковского на московских улицах осенью 1914 года: «Маяковский читал Ахматову, Северянина, свое и большаковское о войне и городе» (Пастернак 1931: 39; о функции включения имени антипода Маяковского см.: Флейшман 2003: 316); ср. воспоминания Михаила Зенкевича: «...[К. А.] Большаков рассказывал, что они с Маяковским когда-то ходили по Москве и читали стихотворения Ахматовой. <...> “Там есть прудок, такой прудок, // Где тина на парчу похожа...”» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников 2002: 28) – и Александра Вертинского:

Как-то мы с Маяковским шли по Тверскому бульвару от Никитских ворот к Страстному. <...> Мы ежились и мерзли. Маяковский читал стихи Ахматовой о Пушкине:

Смуглый отрок бродил по аллеям <...>

Стихи ему, по-видимому, очень нравились: читал он их задушевно, вполголоса (Вертинский 1991: 93).

Ахматова познакомилась с Пастернаком в 1922 г., но знакомству предшествовало несколько лет, когда о нем доходили до нее, говоря его словами, «толки одни» (Пастернак 2003: 351). Георгий Адамович вспоминал «Пастернака, первые произведения которого произвели в Петербурге (не знаю, что было в Москве) впечатление глубокое и длительное, даже на поэтов, резко с ним расходившихся в методах и стиле (на Анну Ахматову, например, на Кузмина, на Сологуба, отчасти на Гумилева)»; в другой раз он приурочивал ахматовскую реакцию к чтению альманаха «Весеннее контрагентство муз», вышедшего в мае 1915 г. (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 163), где были напечатаны стихотворения «В посаде, куда ни одна нога...» (ср.: Пастернак 2003: 84), «Весна, ты сырость рудника в висках...» (ср.: Там же: 514), «Я клавишей стаю кормил с руки...» (ср.: Там же: 93): «с каким упоением читала их Ахматова, как захлебывался Осип Мандельштам: кто это, где он, откуда?»²; в первый раз он вспоминал это событие еще без упоминания Ахматовой:

Лет двенадцать тому назад, когда о Пастернаке еще мало кто слышал, получился в Петербурге московский альманах, называвшийся, кажется, «Весеннее контрагентство муз». В альманахе было несколько стихотворений Пастернака и среди них одно, путанное, длинное, о Замоскворечье, со строчкой: «не тот это город и полночь не та». От этого стихотворения несколько юных петербургских поэтов почти что сошли с ума. Даже снисходительно-важный Гумилев отзывался о новом стихотворце с необычным воодушевлением. Мандельштам же бредил им³.

¹ Адамович Г. Литературные заметки. – Последние новости. 1931. № 3676. 16 апреля. С. 2.

² Г. А. [Адамович Г. В.] Владислав Ходасевич. – Последние новости. 1939. № 6660. 22 июня. С. 3.

³ Адамович Г. «Лейтенант Шмидт» Б. Пастернака. – Звено (Париж). 1927. № 218. 3 апреля. С. 2.

Отзыв Гумилева: «Забавна у Пастернака строчка: “И птицы породы ‘люблю вас’”»; «Гимназическая фауна» (Мочалова 2004: 39). Гумилев распознал в строках стихотворения «Я клавишей стаю кормил с руки...» – «И птиц из породы люблювас <sic!>, / Казалось, скорей умертвят, чем умрут / Крикливые черные крепкие клювы» (Пастернак 1915: 47) – каламбур из школярского флирта: Ich liebe dich (Я люблю тебя) – лебедих. Н. Оцуп вспоминал, что начало этого стихотворения «Гумилев декламировал с удовольствием» (Оцуп 1928: 264). По-видимому, Гумилев и Мандельштам познакомились с московским гостем в октябре 1915 года в Петрограде (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 166), когда Гумилев устраивал литературные собрания для поэтической молодежи, на которых бывал и Мандельштам (см.: Лукницкий 2010: 423), и спустя шесть лет Гумилев говорил в Москве: «Позовем Пастернака, он милый человек и талантливый поэт» (Мочалова 2004: 39). Пастернак же говорил о двух акмеистах в 1920–1921 гг., по (возможно, неточной) записи мемуариста:

Я сказал:

– По крайней мере, они умеют делать стихи.

– Да, да, да, да! Конечно! Умеют. Но-о!.. Они запрягают в пролетку игрушечных лошадок. Знают про сбрую, про дугу и подпругу. Мандельштам? Он, поди, тоже знает про подпругу, и чтобы седло не сползло. – Борис Леонидович рассмеялся добродушно, но немного как людоед. – Подождите! Он же служил в лейб-гвардии – рядовым, конечно. Его Гумилев определил через влиятельных особ женского пола. Но *тот* – офицер и гвардеец «со связями». Любил «высший свет», хоть от него и следа не осталось, и продолжает любить, наверное, – как Оскар Уайльд. Я жил в Петербурге и немного их знаю. <...> Блок и Анненский только одни и держались большого русского словаря. Я, еще в Петербурге, говорил об этом с Гумилевым и Осипом Мандельштамом, и они меня слушали. Гумилев – храня гордое величие, но Мандельштам – как откровение и мотая себе на ус... (Вильмонт 1989: 19–20, 47; о Пастернаке и Гумилеве см.: Флейшман 2003: 193–194, 196–197; Тименчик 2018b: 343–344; Тименчик 2022: 73–74)

Память об ошеломляющем эффекте стихотворения «Я клавишей стаю кормил с руки...», позднее получавшего названия «Импровизация», «Импровизация на рояле» (см.: Пастернак 2003: 93, 578, 686), была запечатлена в 1940 году в цитате из него, взятой эпиграфом к первому разделу сборника «Из шести книг»:

И было темно. И это был пруд

И волны...

Борис Пастернак.

(Ахматова 1940: <5>; ср.: Ахматова 1976: 476)

Как заметил Вяч. Вс. Иванов, «она выбрала строки наименее метафорические и своей сдержанной живописностью напоминающие ее собственные ранние (а не значительно более усложненные последующие) сборники» (Иванов Вяч. Вс. 2000: 262). Но в 1940 году, по-видимому, у ахматовской тайнописи был дополнительный повод избрать эти строки: они указывали на «камышы в пруду» из стихотворения 1938–1940 гг. «Памяти Пильняка» (Ахматова 1965: 270) – речь шла о переделкинском пруде неподалеку от дачи Пастернака, проезжая через который в 1955 году Ахматова процитировала строфу про камыши и сказала: «А вот что помню: незадолго до той поездки в Переделкино, о которой тут речь, я написала стихотворение Пастернаку. Пильняк тогда сказал: “А мне?” – “И вам напишу”. И вот когда довелось написать!» (Чуковская 1997b: 143).

Расстрелянный в апреле 1938 года Борис Пильняк был многолетним другом Пастернака со сложной драматургией взаимоотношений, например: «Борис Пильняк относился к Пастернаку двойственно: то осуждал в нем его “изоляциялизм”, то считал это единственно приемлемой позицией для писателя в современных условиях» (Кротков 1967: 64; см.: Флейшман 2005: по указателю). Мотив «пруда» отсылал к дружбе и соперничеству двух писателей.

В середине января 1922 г. Пастернак вместе с невестой Е. В. Лурье увидели Ахматову во время заседания кружка «Звучащая раковина» (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 267): «АА говорит, что Н. Тихонова и Пастернака видела обоих

сразу и обоих первый раз в жизни у Наппельбаумов. Пастернак тогда читал стихи, а Тихонов “ел его глазами” (Лукницкий 1997: 251); во время этой встречи или очень скоро после нее «Ахматова написала Пастернаку на своем “Подорожнике”: “Борису Пастернаку, чьи стихи мне кажутся волшебными”. Ее, говорят, спросили: вы, значит, любите его стихи? Она подумала и ответила: “Я написала волшебные. Волшебство не любовь. Ему удивляются”. Как всегда коротко и точно» (Коростелев, Федякин 1995: 71). Марина Цветаева в письме к Пастернаку вспоминала о разговоре с ним весной 1922 г.:

Потом рассказывали об Ахматовой. Я спросила об основной ее земной примете. И Вы, вглядываясь:

– Чистота внимания. Она напоминает мне сестру (Цветаева, Пастернак 2004: 15).

Возможно, в этом рассказе Пастернака содержалось и сообщение об отношении Ахматовой к его стихам и от Цветаевой это сообщение попало к Илье Эренбургу, который писал в июле 1922 г. в рецензии на сборник «Сестра моя жизнь»: «Я понимаю, почему в этот курорт (наз<ываемый> Пастернак) с равной охотой идут Маяковский, Брюсов, Ахматова» (Пастернак 2012: 985; Тименчик 2021: 195). Стихи Пастернака Ахматова, очевидно, знала по воронежскому журналу, где могла прочесть «Степь» («Как были те выходы в тишь хороши!...») (см.: Сирена. 1918. № 2/3. С. 13–14) – в том же номере редактор В. И. Нарбут поместил ахматовские стихотворения «Проплывают льдины, звеня...» и «От любви твоей загадочной...», и по московскому сборнику «Весенний салон поэтов» 1918 года, где Пастернак был представлен пятью стихотворениями – «Не как люди, не еженедельно...»; «Фантазм» («В девять, по левой, как выйти со Страстного...»); «Марбург» («День был резкий, и тон был резкий...»); «По стене сбежали стрелки...»; «Лодка колотится в озерной груди...» – и пятью стихотворениями – Ахматова.

К лету 1922 года пришло время дарения «гениальной книги лета 1917 (вышла в 1921 <sic!>» (Ахматова 1996: 209) – она вышла к маю (см.: Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022: 276). Надпись на ней Ахматова через 40 лет предполагала

показать знакомому Пастернака Эрику Местертону: «Для Эрика / Пастер~~нак~~» – две надписи и письмо» (Ахматова 1996: 227); «Показать Э~~рику~~ <...> Б. Пастер~~нак~~ телегр~~амма~~, два письма, надписи на книгах» (Там же: 237–238; в цитируемом издании инициал Местертон раскритикован ошибочно). Надпись от 6 июня 1922 г. гласила:

Анне Ахматовой, поэту – товарищу по несчастью. Дичливой, от- роческой, и менее чем на половину использованной впечатли- тельности, и потому: – особо-исключительной жертве критики, не умеющей чувствовать и пытающейся быть сочувственной, жертве непрощенных и никогда не своевременных итогов и схем, с любовью от человека, который все силы свои положит на то, чтобы изгнать отвратительное слово «мастер» из прижизненной обстановки людей, осужденных выражать себя и себя в этом выражении складывать, с клятвенным обещанием повысить тре- бовательность века до тех натуральных норм, когда можно будет прохаживаться в размышлениях, не рискуя расшибить лба об неожиданную апофеозу, и темени, при естественном отскоке на- зад – об еще более неожиданное и оправданное только принципом архитектурной симметрии развенчанье (Пастернак 1983: 654).

Ср.: «АА усмехнулась: “Вот как люди надписывают!”» (Лукницкий 1991: 76). Адресаты полемического запала инскрипта, как пред- ставляется, названы Кристофером Барнсом неверно – марксисты в лице Б. Арватова, Г. Горбачева и ошибочно занесенного в эту компанию В. А. Чудовского (см.: Barnes 1989: 293), скорее может идти речь об очерке влиятельного в Москве Юлия Айхенвальда (см.: Айхенвальд 1922: 53–75), за четыре дня до пастернаковской записи выдвинутого в центр всероссийского внимания правдинской статьей Л. Д. Троцкого (см.: Тименчик 2009: 37–40) и о патетике которого отозвался бывший литературный соратник Пастернака:

Очевидно, что лекции для баранов не очень интересны и заранее можно сказать, что там будет излагаться. Для любопытствующих предложим цитатки: <...> Ахматова: «явила образ женской

души... так задушевно и проникновенны ее интонации... это пленительно». <...> Как видите: глупо, скучно и черносотенно. Пишущий это боится, что он был несправедлив к баранам: нехорошо все-таки и их заставлять читать такое, и уж если на то пошло, то пусть они прямо читают Ахматову. Стыдобушка! В 1922 году некролога путно написать не умеем (Бобров 1922: 288).

В письме к Ю. И. Юркуну Пастернак пояснял:

В случае с Анной Андреевной боязнь показаться фамильярно-панибратствующим (а как это было бы далеко от истины!) преодолена чувством живого знакомства с ней. В этом духе я и сделал ей надпись: как человеку, несправедливо потерпевшему от дружественной критики, преждевременно объявляющей человека мастером, канонизирующей его в меру своих умеренных требований и больше ничего от него не желающего. А когда я книжку ей надписывал, я видел перед собой чуть что не девочку с тем восприимчивым воображением, которое чурается всякой обобщенности и отвлеченья, даже того малого, какое заключается в понятии «зрелого человека», не говоря уже о той абстракции, которой подвергается человек, мирящийся со званием мастера (Пастернак 1977: 191–192).

Фразу о дружественной критике Михаил Кузмин обратил к самому Пастернаку: «Пастернак достаточно пострадал от дружественной критики Эренбурга»⁴.

Пастернак, вероятно, увидел Ахматову в следующий раз 17 августа 1922 г., когда она пришла провожать Артура Лурье на набережную к пароходу, отправлявшемуся в Штеттин в Германии (см.: Пастернак Евг., Пастернак Ел. 2004: 198). «Пароход отходил с опозданием на пять часов, мы все сидели на ящиках у пристани и ждали» (Волошина 1993: 306). Ахматова описала этот день в стихотворении «Разлука»: «Вот и берег северного моря...» (Ахматова 1923: 26), а Пастернак – в стихотворении «Отплытие» (см.: Пастернак

⁴ Кузмин М. Говорящие. – Жизнь искусства. 1922. № 31. 8–15 августа. С. 1.

2003: 185, 707), где зачин «Слышен лепет соли каплющей...» представляется типичным образцом «преобразования источника» (Смирнов 1985: 113) в манере «механизмов» пастернаковской интертекстуальности (Там же: 131) – препарированный по-пастернаковски финал «пароходного стихотворения» «Просыпаться на рассвете...»: «От соленых брызг и ветра / С каждым часом молодеть» (Ахматова 1921: 12).

«Б. Пастернак примолк после гениальной книги лета 1917 (вышла в 1921 <sic!>), растил сына, читал толстые книги и писал свои 3 поэмы» (Ахматова 1996: 209) – вероятно, эта спрессованная справка (в контексте оправдания собственного периода «молчания» – см.: Тименчик 2018а: 228–229, 233) восходила к повторяющейся автохарактеристике Пастернака («Я раз оставить должен был стезю / Объевшегося рифмами всезнайки. // Я бедствовал. У нас родился сын...»). – Пастернак 2003: 267), как к ней же восходило и синхронное свидетельство Сергея Буданцева 1925 года: «Он женат, у него сын Женя, а поэтам трудно жить. Он служит, зарабатывает деньги, целый день занят, а дома у него нельзя громко разговаривать. Это Борису-то, с его голосом! Но он написал, говорят, прекрасную поэму “Спекторский”, выпустил книжку прозы, которая, впрочем, не выходит за пределы книжных магазинов» (Nivat 1974: 207).

В августе 1923 года Ахматова говорила И. Н. Розанову: «о Пастернаке – талантлив, но до Мандельштама далеко: “Я не изменю об нем своего мнения, хотя он меня начал печатно бранить”» (Богомолов 2021: 345); ср. разговор в июле 1925 года:

У Пастернака есть достоинства, но есть недостатки, которых у Мандельштама нет. Мандельштам лучше... Шенгели спросил АА о Пастернаке. АА ответила так. Он удивился (он совершенно не признает Пастернака, ничего в нем не чувствует).

Я: «В чем недостатки? Прозаизм?»

«Ну, это еще может быть отнесено к стилю поэта... У него часто язык неправильный, не по-русски...» (Лукницкий 1991: 200)

В следующий после встречи на набережной раз Ахматова увидела Пастернака на вечере «Литературное сегодня» 17 апреля 1924 г. –

«на вечере “Русского современника» (апрель 1924) в зале Консерватории (Москва)» (Ахматова 1996: 379); ср. разговор с Сергеем Спасским в 1941 году:

– Я видел вас впервые в Москве в Консерватории на вечере «Современника». Заглянул в артистическую, вижу – Пастернак и Асеев подходят к вам.

– Тогда Асеев поднес мне стихотворение. Асеева со мной Пастернак знакомил (Timenchik 2014: 112; ср.: Лукницкий 1997: 257).

В 1926 году Ахматовой была подарена новая книга «Рассказы» (М.; Л.: Круг, 1925): «Дорогой / Анне Андреевне / Ахматовой / в знак горячей / преданности / Б. Пастернак / 9/III/26 / Москва» (Сеславинский 2015: 55–56) – во время поездки Ахматовой с Н. Н. Пуниным в Москву в начале марта (см.: Пастернак 2005: 612):

С Пастернаком АА виделась в Москве несколько раз; он приходил к ней и подолгу сидел у нее. Очень много говорили о поэзии, о том, как трудно – невозможно – писать стихи теперь. Пастернак очень жаловался ей... Я спросил: «Читал ли он Вам стихи?». АА горячо ответила: «Я никогда такой мерзости не допустила бы!» – и рассмеялась.

С Пастернаком АА говорила много о Гумилеве и, между прочим, и обо мне. Пастернак просил АА передать мне его извинения за то, что он не поблагодарил меня письменно за присланные мной ему сообщения о Есенине. АА привезла сюда поэму Пастернака.

Пастернак долго смотрел на профиль АА и сказал ей: «Как вы похожи на сфинкса!». По этому поводу АА рассказала ему о фотографии, где она – в позе сфинкса, и обещала прислать ее ему.

Пастернак очень заботливо, очень хорошо отнесся к АА в Москве, и АА тронута его отношением (как тронута и отношением всех других москвичей к ней). <...>

В Москве пресыщены Пастернаком. Наступает реакция против него: у всех на губах вязнет его «школа». <...>

Заговорили о мастерстве, с каким Пушкин обновлял и обогащал русский язык. Я поставил вопрос: кто из современных

поэтов так же, т. е. тем же методом, обновляет язык? АА неуверенно ответила: «Пастернак только этим и занимается – так, по крайней мере, про него говорят... Хлебников...» (Лукницкий 1997: 62–63, 90, 162)

Через три месяца (см.: Лукницкий 1997: 179) сделана надпись на книге «Избранные стихи» (М.: Узел, 1926): «Анне Андреевне Ахматовой, / с новой дерзостью в / память четвертьгодовой! / С чувством неистребимой уве / ренности, что надпись делается / накануне ее / новой рабочей лирической полосы, / а может быть, даже / и опаздывает к ее началу. С / пожеланьем единственного, в / чем нуждается совершенный поэт. / С пожеланьем полного здоровья. / Б. Пастернак» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989: 169, 170).

Месяц спустя:

Говорила, что Пастернак по три, по четыре года не пишет стихов, Мандельштам тоже, Асеев, и т. д., и т. д. – тоже. Есть какие-то «пределы». Если их перейти, то некоторые люди – наиболее чуткие, тонкие – начинают задыхаться. И тогда им кажется странным, что вообще можно писать стихи, кажется, что писать стихи – немисливо, и они не пишут, молчат, молчат по три, по пять лет... (Лукницкий 1997: 214)

В 1927 году вышла книга «Девятьсот пятый год», куда была включена и поэма «Лейтенант Шмидт»:

Говорили о Пастернаке. АА сказала, что у него очень развито чувство погоды и способность находить все оттенки для ее описаний.

АА любит лирику Пастернака. Поэма «1905» – в целом неудачна, хоть есть отдельные хорошие места.

(«Пастернак слишком “через вещи” чувствует, слишком нервен, капризен и эмоционален. Это достоинство в лирике, но это же ослабляет эпическую вещь, какой должны быть “1905” и “Лейтенант Шмидт”<>».) (Лукницкий 1997: 314)

– А я очень не люблю Шмидта, кроме отдельных небольших кусков. Ведь он там, в сущности, ни о чем, кроме погоды, не пишет. Что я люблю, это «Отцы». Ах, до чего это хорошо! (Чуковская 1997а: 219)

В «Отцах» Ахматову остановила строфа, в которой копия родоскulptуры из Училища живописи, ваяния и зодчества метонимически претворяется в борцов французской борьбы законных дымов:

Точно Лаокоон,
Будет дым
На трескучем морозе,
Оголясь,
Как атлет,
Обнимать и валить облака.
Ускользящий день
Будет плыть
На железных полозьях
Телеграфных сетей,
Открывающихся с чердака.

(Пастернак 2003: 221–222; попытку интерпретации мотива змеборчества семьи Лаокоона см.: Мальцева 2013: 60–61)

Фрагмент, содержащий эту строфу, был выбран для демонстрации стиховедческого наблюдения: «Были открыты оставшиеся ранее неузнанными ритмические ходы пятистопного анапеста, подчеркнутые разделением каждого стиха на три коротких строчки, но которые теперь, когда поэт нам их показал, образуют музыкальный узор, звучащий и без этого деления» (Вейдле 1961: 125).

Обаяние строфы только подчеркивалось тем, что она была своевременно подвергнута легкому осуждению в предисловии А. К. Тарасенкова к пастернаковским «Избранным стихотворениям» 1934 года: «Поэмы “1905 год” и “Лейтенант Шмидт” замечательны тем, что в них очень отчетливо нащупывается борьба между старым, импрессионистически-субъективным методом поэта и неоспоримой реальностью тех людей и событий, за изображение

которых он взялся. Эта внутренняя борьба иногда оканчивается победой старого – и тогда мы получаем строки о дыме, который, точно сказочный Лаокоон, будет, “оголясь, как атлет, обнимать и валить облака”» (Пастернак 2012: 563).

Видимо, именно о главке «Отцы», а не об открывающих поэму 7 четверостишиях идет речь в разговоре 1942 года:

- И страшно люблю вступление к «Девятьсот пятому году».
- «Ну, это совсем другое дело. Это может быть лучшее из всего, что он написал» (Чуковская 1997а: 391).

В той же главке Ахматовой запомнилось на площади перед Зимним дворцом дыхание безлюдной сентябрьской ночи, напоминающей о воспетых и проклятых Иннокентием Анненским «пустынях немых площадей, где казнили людей до рассвета» (Анненский 1910b: 3):

Моросит на дворе.
Во дворце улеглась суматоха.
Тухнут плошки.
Теплынь.
Город вымер и словно оглох.
Облетевшим листом
И кладбищенским чертополохом
Дышит ночь.
Ни души.
Дремлет площадь,
И сон ее плох.

(Пастернак 2003: 221)

В январе 1928 года Ахматова читала сборник «Поверх барьеров» (1917) и заметила: «У Пастернака нет людей (и когда они принуждены появляться, он недоволен)» (Лукницкий 2002: 466–467). Толчком к этому наблюдению, не раз повторявшемуся Ахматовой, было, вероятно, стихотворение «Степь» (см.: Пастернак 2003: 124–125, 694–695) о ветхозаветной космогонии, подтолкнувшее к сходной формулировке Марину Цветаеву (см.: Быков 2005: 92; ср.: Тименчик 1994: 70).

Осенью того же года в Москве «видалась с Пастернаком (с ним была у <О. Д.> Каменевой, по делу), бывала у него, он у нее» (Лукницкий 2002: 452); «дело» – вероятно, арест сестры В. С. Срезневской (см.: Черных 2016: 306, 309). В 1928 году в журнале «Красная новь» (№№ 1, 7) печатаются очередные фрагменты поэмы «Спекторский» – ср. слова Ахматовой в 1965 году:

«Живаго» – неудача, и это неудача нас всех. От «Спекторского» все тоже очень многого ожидали, а как только там начинаются диалоги, сразу видно, что неудачная вещь (Венцлова 2001: 84).

– Это неудачная вещь <...>. Я ее всегда не любила. Но почему – догадалась только сегодня. Дело в том, что стихи Пастернака написаны еще до шестого дня, когда Бог создал человека. Вы заметили – в стихах у него нету человека. Все что угодно: грозы, леса, хаос, но не люди. Иногда, правда, показывается он сам, Борис Леонидович, и он-то сам себе удается... Он действительно мог крикнуть в форточку детям: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?». Но другие люди в его поэзию не входят, да он и не пробует их создавать. А в «Спекторском» попробовал. И сразу крах. Имя и фамилия Мария Ильина в его стихе звучит никчемно, дико... (Чуковская 1997а: 149–150)

В 1928 году начало писаться стихотворение Пастернака «Анне Ахматовой». Последний по времени его автограф известен нам по копии в дневник В. Г. Гаршина:

Анне Ахматовой с бездной преданности и преклонением, пошедшей на нижеследующие стихи и оставшейся не выраженной в них.

Мне кажется, я подберу слова,
Похожие на Вашу первозданность.
А ошибусь, – мне это трын-трава,
Я все равно с ошибкой не расстанусь.

Я слышу мокрых кровель говорок,
Торцовых плит заглохшие эклоги.
Их шорох настигает с первых строк,
И слышится при каждом новом слогe.

На них весна, но за город нельзя.
Еще строга заказчица скупая.
Глаза за лампой в сумерках слезя,
Горит заря, спины не разгибая.

Вдыхая дали Ладожскую гладь,
Спешит к воде, смиряя сил упадок.
С таких гулянок ничего не взять.
Каналы пахнут затхлостью укладок.

По ним ныряет, как пустой орех,
Горячий ветер и колышет веки
Ветвей и звезд, и фонарей, и вех,
И с моста вдаль глядящей белошвейки.

Бывает глаз по-разному остер,
По-разному бывает образ точен.
Но самой страшной крепости раствор –
Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик Ваш и взгляд.
Он мне внушен не тем столбом из соли,
Которым Вы пять лет тому назад
Испуг оглядки к рифме прикололи.

Но, исходив от Ваших первых книг,
Где крепи прозы пристальной крупницы,
Он и во всех, как искры проводник,
Событья былью заставляет биться.

Итак, – Вам, т. е. белой ночи. 20 II 30 Борис
Пастернак (Петербург Ахматовой 2002: 105–106;
имеются разночтения с известными вариантами:
Пастернак 2003: 179–180, 589–590, 705)

Стихотворение было напечатано в журнале «Красная новь» (1929. № 5. С. 158–161) в подборке «Четыре стихотворения» вместе с двумя не обозначенными посвящениями Марине Цветаевой (одно из них – акrostих) и посвящением «Мейерхольдам» (см.: Пастернак 2003: 180–182, 548, 705–706). Наличие акrostиха эмигрантке ставило

под угрозой прохождения всей подборки через цензуру, и Ахматова рассказывала потом другу Пастернака Сергею Спасскому: «А когда Пастернаку сказали, чтоб он снял посвящение, кажется, в “Новом мире” <sic!>, он написал: Ахматова такая же гражданка, как и все. Не понимаю, почему нельзя ей посвящать. Такая же гражданка. В этом весь Пастернак» (Timenchik 2014: 113); «Пастернак еле уговорил редакцию “Нов<ого> мира” <sic!> разрешить напечатать мою фамилию над посвященным мне его стихотворением и т. д. (1930?) – Мне кажется я подберу...» (Ахматова 1996: 146).

Намерение помянуть некую специальную петербургскую поэтику сказывается в одном варианте стихотворения отсылкой к стихотворению петербургского символиста Ивана Коневского:

Мерцают, заострясь, острова.

Метя песок, клубится малокровье,

И хмурит брови странная Нева,

Срываясь за мост в роды и здоровье.

(Пастернак 2003: 590;

ср. «В роды и роды»: Коневской 2008: 96–97)

Определение степени подражания поэтике получательницы, предполагаемого жанром послания, волновало интерпретаторов стихотворения:

Стихотворение, посвященное Анне Ахматовой, начинается заявкой:

Мне кажется, я подберу слова <...>

В дальнейшем, раскрывая суть ахматовской лирики, Пастернак тем не менее остается самим собой и не пишет «под Ахматову». Не в силах расстаться со своей «ошибкой», он подбирает слова, похожие не на чужой стиль, а на первозданность мира (Синявский 1965: 25).

...можно с полной убежденностью сказать, что свой портрет Ахматовой строит Пастернак в соответствии с закономерностями поэзии изображаемой (т. е. ахматовской).

<...> Возвращаясь теперь к пастернаковскому портрету Ахматовой, мы можем сказать, что он написан не только согласно законам поэтики Ахматовой, но также согласно и законам поэтики самого Пастернака. Так например, стих «Кругом весна, но за город нельзя» является в одинаковой степени и ахматовским и пастернаковским. <...> Пастернаковское прочтение допускает наличие слова «весна», которое предполагает еще наличие «зимы» за городом; но ахматовское же прочтение позволяет наличие «города» как антитезиса неоформленного, 'не-текстового' пространства за городом.

<...> Пастернаку свойственно понимать мир как текст:

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
 Как трагик в провинции драму Шекспирову,
 Носил я с собою и знал назубок,
 Шатался по городу и репетировал.

и текст – как мир:

Теперь качаться продолжая
 В стихах вне ранга,
 Бредут в туман росой лужаек
 И снятся Гангу.

Поэтому, портретируя ахматовскую поэзию, Пастернак отождествляет текст и мир <...>. <...> Поэтика Пастернака в основном сориентирована не на код, а на мир. И этим объясняется тот факт, что портрет Ахматовой построен у него на одном уровне – на уровне самого мира. Второй уровень представлен непосредственным обращением к самому портретируемому автору: «Мне кажется, я подберу слова, Похожие на вашу первозданность. <...> Таким я вижу облик ваш и взгляд» (Фарино 1976: 60–62, 65).

Пресуппозиция антитезы «сложного» Пастернака и «простой» Ахматовой стоит как за усиленными жестами недоумения, так и за стремлением разъяснить пастернаковские метонимии и синтаксис:

Стихи Пастернака густословесны, и то и дело доходят до подлинного буйства слов, образов, звуков, метафор, будто толпящихся и подгоняющих друг друга. В этом буйстве поэту некогда в образы свои вглядываться – куда там! – что и приводит к тому, что если в некоторых стихах нарушить ритм и прочесть их как прозу, ахинея получится невероятная. В стихотворении, посвященном Анне Ахматовой, например, сообщается, что поэтесса «испуг оглядки приколола к рифме столбом из соли», – и чудовищную цитату эту я привожу почти что наудачу, их можно было бы сделать тысячи (Адамович 1955: 223–224).

Но, исходив из ваших первых книг,
Где к<ре>пли прозы пристальной крупницы,
Он и во всех, как искры проводник,
Событья былью заставляет биться.

«Он» – это тот «облик», «взгляд» Ахматовой, который принес в поэзию прозы пристальной крупницы, и вместе с тем это искры проводник, который заставляет биться события былью. При этом событие превращается в типичную для Пастернака метафору-олицетворение; событие «бьется», как живое существо (Македонов 1985: 19–20).

Полемику с ахматовской «Лотовой женой» видит в этом стихотворении Л. Флейшман (см.: Флейшман 2003: 126–127). Один из самых интригующих образов стихотворения – «белошвейка» (см.: Там же: 127), возможно, отчасти спровоцирован московским писательским фольклором: «Вызывающе московское пренебрежение тех дней к “Петербургу”: “Блок – мертвец, Гумилев – вахмистр, Ахматова – стишонки для белошвеек”...» (Иванов Г. 1955: 279). Интерпретация противопоставления «заказчицы» и «белошвейки» как закодированной пастернаковской позиции по отношению к ЛЕФу и теории «социального заказа» (см.: Vogen 2003: 432–446) представляется нуждающейся в дополнительной аргументации. Возведенная в ранг мифологемы – Белой Ночи, Белошвейки, получательница через четверть века при следующей попытке Пастернака продолжить московско-петербургский поэтический

диалог (см.: Тименчик 1971: 59) ревниво вглядывалась в свою тезку – «Белую ночь» (см.: Пастернак 2003: 379–380):

– Борис Леонидович, – произносит Ахматова, – во время белых ночей фонари в Петербурге не горели...

Пастернак на секунду задумывается и говорит:

– Нет, горели...

Этот краткий диалог происходил на моих глазах в тот день, когда Борис Леонидович пришел на Ордынку, чтобы прочесть Ахматовой «Стихи из романа». В одном из них – «Белой ночью» – есть такие строчки:

Фонари, точно бабочки газовые,

Утро тронуло первую дрожью...

(Ардов 2014: 31–32)

В этом стихотворении Ахматовой, вероятно, явственна была «петербургская» отсылка – к «Бабочке газа» Иннокентия Анненского:

Так бабочка газа всю ночь

Дрожит, а сорваться не может...

(Анненский 1910а: 100)

В 1920-е годы Ахматовой не раз доводилось обсуждать в стихах Пастернака отголоски поэзии Иннокентия Анненского, таким образом их общего учителя:

Пунин произнес строку: «Горьма горит душа...»

О. Э. спросил: «Чья?»

Пунин: «Пастернака...»

О. Э.: «Да, пожалуй, Пастернак может так сказать...»

Разговор о том, кто еще мог бы так сказать, и АА и О. Э. соглашаются, что до Анненского так никто бы не сказал.

О. Э.: «Разве Ап. Григорьев...»

АА: «Именно Анненский мог бы так сказать...»

АА считает, что эта строка могла бы быть у Анненского в стихотворении:

Под яблонькой, под вишнею
Всю ночь горят огни, –
Бывало выпьешь лишнее,
А только ни-ни-ни...

Эту строфу АА произносит (Лукницкий 1991: 140–141; строка из стих. «Образец»: Пастернак 2003: 113, строфа из стих. «Гармонные вздохи»: Анненский 1923: 83).

10.06.1926

Говорила о влиянии Анненского на творчество Пастернака. То же дыхание. Может быть – тот же темперамент (Лукницкий 1997: 181).

В столовой АА читала мне отрывки из «1905» Пастернака (книгу ей принес Маршак на днях). Отмечали влияния (например, хоры античных трагедий в интерпретации Анненского. И другие – Н. Гумилева, И. Северянина, А. Блока, пролетарских поэтов...).
<...>

14.11.1927

<...> Прочла четвертую главу «Лейтенанта Шмидта», отметила ее как удачную. Сказала, что эта глава напоминает ей хоры античных трагедий в трактовке И. Анненского (Лукницкий 1997: 312; о теме «Пастернак и Анненский» см.: Тименчик 2017: 105, 200–201).

См. первичную библиографию по теме: Баженов 1995: 90–109.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. 1955. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова.
- Айхенвальд Ю. 1922. Анна Ахматова. – Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М.: Северные дни. С. 53–75.
- Амелин Г., Мордерер В. 2009. Письма о русской поэзии. М.: Знак.
- Анненский И. 1910а. Кипарисовый ларец: Вторая книга стихов (посмертная). М.: Гриф.
- Анненский И. 1910б. Петербург. – Аполлон. № 8. С. 3–4. Вт. паг.
- Анненский И. 1923. Посмертные стихи Иннокентия Анненского / Под ред. В. Кривича. Пб.: Картонный домик.
- Ардов М. 2014. Исподтишка меняются портреты... М.: Б. С. Г.-Пресс.

- Ахматова А. 1921. Подорожник: Стихотворения. Пг.: Petropolis.
- Ахматова А. 1923. Anno Domini: Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 2-е, доп. Берлин: Петрополис; Алконост.
- Ахматова 1940. Из шести книг: Стихотворения Анны Ахматовой. Л.: Советский писатель.
- Ахматова А. 1943. Избранное: Стихи / Сост. К. Зелинский. [Ташкент]: Советский писатель.
- Ахматова А. 1965. Бег времени: Стихотворения. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Ахматова А. 1976. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. А. А. Суркова; сост., подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Ахматова А. 1996. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. Вступительная ст. Э. Г. Герштейн. Научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Ахматова А. 1998. Анна Ахматова: набросок «для себя» / Публикация В. А. Черных. – Наше наследие. № 45. С. 57–59.
- Баженов М. Н. 1995. Анна Ахматова – Борис Пастернак: Хроника литературной дружбы. – Библиография. № 2. С. 90–109.
- Богомолов Н. А. 2021. Собиратель: Иван Никанорович Розанов и его время. М.: Азбуковник.
- Бобров С. 1922. [Рец. на кн.:] Ю. Айхенвальд. Поэты и поэтессы. К-во «Северные дни». М. 1922. <...> – Печать и революция. № 6. С. 288.
- Быков Д. 2005. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия.
- Вейдле В. 1961. Пастернак и модернизм. – Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. [Вып.] 6. Мюнхен: Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР. С. 119–132.
- Венцлова Т. и др. 2001. Анна Ахматова: Последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., комментарий О. Е. Рубинчик. СПб.: Невский Диалект.
- Вертинский А. 1991. Дорогой длиною... М.: Правда.
- Вильмонт Н. 1989. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель.

- Волошина М. (М. В. Сабашникова). 1993. Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; вступительная ст. С. О. Прокофьева. М.: Энигма.
- Иванов Вяч. Вс. 2000. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II: Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры.
- Иванов Г. 1955. Осип Манделъштам. – Новый журнал. № 43. С. 273–284.
- Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / Сост. М. С. Лесман, Л. П. Архипова и др. М.: Книга.
- Коневской И. 2008. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст., сост., подготовка текста и примечания А. В. Лаврова. СПб.; М.: Издательство ДНК, Прогресс-Плеяда.
- Коростелев О., Федякин С. 1995. Рукопись неизвестного. – Огонек. № 28. С. 69, 71.
- Кротков Ю. 1967. Пастернаки. – Грани. № 63. С. 58–96.
- Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака 2022. Летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака: В 3-х тт. Т. 1: 1889–1924 / Авторы-сост. А. Ю. Сергеева-Клятис, Р. Лихт. М.: Бослен.
- Лукницкий П. Н. 1991. Асумiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I: 1924–25 гг. Париж: YMCA-Press.
- Лукницкий П. Н. 1997. Асумiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М.: YMCA Press; Русский путь.
- Лукницкий П. Н. 2002. Дневник 1928 года. Асумiana. 1928–1929 / Публикация и комментарии Т. М. Двинятиной. – Лица: Биографический альманах. [Вып.] 9. СПб.: Феникс. С. 341–495.
- Лукницкий П. Н. 2010. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука.
- Македонов А. 1985. Свершения и кануны: О поэтике русской советской лирики 1930–1970-х годов. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Мальцева О. А. 2013. История и миф в поэме Б. Пастернака «Девятьсот пятый год». – Вестник Челябинского государственного университета. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 58–62.
- Мочалова О. 2004. Голоса Серебряного века: Поэт о поэтах / Сост., предисловие и комментарии А. Л. Евстигнеевой. М.: Молодая гвардия.
- Осип и Надежда Манделъштамы в рассказах современников 2002. Осип и Надежда Манделъштамы в рассказах современников / Вступительная

- ст., подготовка текста, сост. и комментарий О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. М.: Наталис.
- Оцуп Н. 1928. Борис Пастернак. – Звено. № 5. С. 260–266.
- Пастернак Б. 1915. Стихи. – Весеннее контрагентство муз: Сборник / Под ред. Д. Бурлюк и С. Вермель. М.: Издание Студии Д. Бурлюка и Сам. Вермель. С. 43–47.
- Пастернак Б. 1931. Охранная грамота. – Красная новь. № 5/6. С. 32–46.
- Пастернак Б. 1967. Люди и положения: Автобиографический очерк. – Новый мир. № 1. С. 204–236.
- Пастернак Б. Л. 1977. Письмо Ю. И. Юркуну [от 14 июня 1922 г.] / Публикация Г. Шмакова. – Глагол. № 1. С. 189–193.
- Пастернак Б. 1983. Из переписки с писателями / Предисловие и публикация Е. Б. и Е. В. Пастернаков. – Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. М.: Наука. С. 649–737.
- Пастернак Б. 2003. Полн. собр. стихотворений и поэм / Вступительная ст. В. Н. Альфонсова; сост., подготовка текста, примечания Е. В. Пастернак и В. С. Баевского. СПб.: Академический проект.
- Пастернак Б. Л. 2004. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. V: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений / Сост., комментарии Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак Б. Л. 2005. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. VII: Письма 1905–1926 гг. / Сост., комментарии Е. В. Пастернак и М. А. Рашковской. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак 2012. Б. Пастернак: Pro et contra: В 2-х тт. / Сост. Е. В. Пастернак, М. А. Рашковская, А. Ю. Сергеева-Клятис. Т. 1. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Пастернак Евг., Пастернак Ел. 2004. Жизнь Бориса Пастернака: Документальное повествование. СПб.: Издательство журнала «Звезда».
- Петербург Ахматовой 2002. Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост. и комментарии Т. С. Поздняковой. СПб.: Невский Диалект.
- Пугачева Э. В. 2014. Трансформация символа «розы» в поэзии Анны Ахматовой. – Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 90. № 10 (339). С. 102–105.

- Сеславинский М. В. 2015. Пастернак на книжной полке: К 125-летию со дня рождения поэта. – Про книги: Журнал библиофила. № 1 (33). С. 50–63.
- Синявский А. Д. 1965. Поэзия Пастернака. – Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. А. Д. Синявского; сост., подготовка текста и примечания Л. А. Озерова. М.; Л.: Советский писатель. С. 9–62.
- Смирнов И. П. 1985. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 17).
- Стрыгина Э. И. 2021. Мифопоэтика книги А. Ахматовой «Тростник». – Пятый этаж: Международный сборник научных статей молодых ученых. № 7. Барнаул: [Б. и.]. С. 40–44.
- Тименчик Р. 1971. К изучению языка русской поэзии XX века. – Материалы XXVI научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 58–59.
- Тименчик Р. 1994. Расписание и Писанье. – Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford: Berkeley Slavic Specialties. P. 70. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).
- Тименчик Р. 2009. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7: К 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь: Крымский архив. С. 37–82.
- Тименчик Р. 2017. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2018а. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Vol. 6. S. 207–235.
- Тименчик Р. 2018б. История культа Гумилева. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2021. О летописи поэтовой: Например, Ахматова. – Slavica Revalensia. Vol. VIII. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Kirjastus]. С. 178–237.
- Тименчик Р. 2022. Школа читателей Гумилева: Семь учеников (Приблудный, Кедрин, Мочалова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Ахматова). – Literatūra. Vol. 64. № 2. С. 67–78.

- Фарино Е. 1976. Два поэтических портрета (Ахматова → ← Пастернак). – Boris Pasternak: Essays / Ed. by Nils Åke Nilsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. P. 52–66.
- Флейшман Л. 2003. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб.: Академический проект.
- Флейшман Л. 2005. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект.
- Цветаева М., Пастернак Б. 2004. Марина Цветаева, Борис Пастернак: Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов / Издание подготовили Е. Б. Коркина и И. Д. Шевеленко. М.: Вагриус.
- Черных В. А. 2016. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Азбуковник.
- Чуковская Л. 1997а. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997б. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. М.: Согласие.
- Шекспир В. 1944. Ромео и Джульетта / Пер. с англ. Б. Пастернака. М.: ОГИЗ; Государственное издательство Художественной литературы.
- Barnes, Ch. 1989. Boris Pasternak: A Literary Biography. Vol. 1: 1890–1928. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bogen, A. 2003. Über ein Gedicht von Boris Pasternak. – Zeitschrift für Slawistik. Bd. 48. H. 4. S. 432–446.
- Nivat, G. 1974. Trois correspondants d'Aleksandr Kusikov. – Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 15. N° 1/2. P. 201–219.
- Pasternak, B. 1958. Essai d'autobiographie. Paris: Gallimard.
- Pasternak, B. 1960. I Remember: Sketch for an Autobiography / Translated with a preface and notes by David Magarshak. New York: Meridian Books.
- Timenchik, R. 2014. Сергей Спасский и Ахматова. – Toronto Slavic Quarterly. № 50. P. 85–134.

REFERENCES

- Adamovich, G. *Odinochestvo i svoboda*. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1955.
- Aikhental'd, Iu. "Anna Akhmatova." In *Poety i poetessy*, 53–75. Moscow: Severnye dni, 1922.
- Akhmatova, A. *Podorozhnik: Stikhotvoreniia*. Petrograd: Petropolis, 1921.

- . *Anno Domini: Stikhotvoreniia. Kniga 3*. 2nd exp. ed. Petersburg: Petropolis; Alkonost, 1923.
- . *Iz shesti knig: Stikhotvoreniia Anny Akhmatovoi*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1940.
- . *Izbrannoe: Stikhi*. Edited by K. Zelinskii. [Tashkent]: Sovetskii pisatel', 1943.
- . *Beg vremeni: Stikhotvoreniia*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1965.
- . *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by A. A. Surkov. Edited and annotated by V. M. Zhirmunskii. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1976.
- . *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- . “Anna Akhmatova: Nabrosok ‘dlia sebja.’” Published by V. A. Chernykh. *Nashe nasledie* 45 (1998): 57–59.
- Amelin, G. and V. Morderer. *Pis'ma o russkoi poezii*. Moscow: Znak, 2009.
- Annenskii, I. *Kiparisovyi larets: Vtoraia kniga stikhov (posmertnaia)*. Moscow: Grif, 1910.
- . “Petersburg.” *Apollon* 8 (1910): 3–4. 2nd pag.
- . *Posmertnye stikhi Innokentii Annenskogo*. Edited by V. Krivich. Petersburg: Kartonnyi domik, 1923.
- Ardov, M. *Ispodtishka meniaiutsia portrety...* Moscow: B.S.G.-Press, 2014.
- B. Pasternak: *Pro et contra*. 2 vols. Vol. 1. Edited by E. V. Pasternak, M. A. Rashkovskaia, and A. Iu. Sergeeva-Kliatis. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2012.
- Barnes, Ch. 1989. *Boris Pasternak: A Literary Biography*. Vol. 1, 1890–1928. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bazhenov, M. N. “Anna Akhmatova – Boris Pasternak: Khronika literaturnoi družby.” *Bibliografiia* 2 (1995): 90–109.
- Bobrov, S. Review of *Poety i poetessy*, by Iu. Aikhenval'd. *Pechat' i revoliutsiia* 6 (1922): 288.
- Bogen, A. “Über ein Gedicht von Boris Pasternak.” *Zeitschrift für Slawistik* 48, no. 4 (2003): 432–46.
- Bogomolov, N. A. *Sobiratel': Ivan Nikanorovich Rozanov i ego vremia*. Moscow: Azbukovnik, 2021.
- Bykov, D. *Boris Pasternak*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2005.
- Chernykh, V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi: 1889–1966*. 3rd rev. and exp. ed. Moscow: Azbukovnik, 2016.

- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 1, 1938–1941. Moscow: Soglasie, 1997.
- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 2, 1952–1962. Moscow: Soglasie, 1997.
- Faryno, J. “Dva poeticheskikh portreta (Akhmatova → ← Pasternak).” In *Boris Pasternak: Essays*. Edited by Nils Åke Nilsson, 52–66. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1976.
- Fleishman, L. *Boris Pasternak v dvadtsatye gody*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2003.
- . *Boris Pasternak i literaturnoe dvizhenie 1930-kh godov*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2005.
- Ivanov, Viach. Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. Vol. 2, *Stat'i o russkoi literature*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000.
- Ivanov, G. “Osip Mandel'shtam.” *Novyi zhurnal* 43 (1955): 273–84.
- Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: Annotirovannyi katalog. Publikatsii*. Edited by M. S. Lesman, L. P. Arkhipova et al. Moscow: Kniga, 1989.
- Konevskoi, I. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced, edited and annotated by A. V. Lavrov. Saint Petersburg and Moscow: Izdatel'stvo DNK; Progress-Pleiada, 2008.
- Korostelev, O. and S. Fediakin. “Rukopis' neizvestnogo.” *Ogonek* 28 (1995): 69, 71.
- Krotkov, Iu. “Pasternaki.” *Grani* 63 (1967): 58–96.
- Letopis' zhizni i tvorchestva B. L. Pasternaka*. 3 vols. Vol. 1, 1889–1924. Edited by A. Iu. Sergeeva-Kliatis, and R. Likht. Moscow: Boslen, 2022.
- Luknitskii, P. N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 1, 1924–25 gg. Paris: YMCA-Press, 1991.
- . *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 2, 1926–1927. Paris and Moscow: YMCA Press; Russkii put', 1997.
- . “Dnevnik 1928 goda: Acumiana. 1928–1929.” Edited and annotated by T. M. Dviniatina. In *Litsa: Biograficheskii al'manakh*. Vol. 9, 341–495. Saint Petersburg: Phoenix, 2002.
- . *Trudy i dni N. S. Gumileva*. Saint Petersburg: Nauka, 2010.
- Makedonov, A. *Sversheniia i kanuny: O poetike russkoi sovetskoi liriki 1930–1970-kh godov*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1985.
- Mal'tseva, O. A. “Istoriia i mif v poeme B. Pasternaka ‘Deviat'sot piaty god’.” *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* 76, no. 10 (301) (2013): 58–62.

- Mochalova, O. *Golosa Serebriianogo veka: Poet o poetakh*. Prefaced, edited and annotated by A. L. Evstigneeva. Moscow: Molodaia gvardiia, 2004.
- Nivat, G. "Trois correspondants d'Aleksandr Kusikov." *Cahiers du Monde russe et soviétique* 15, no. 1/2 (1974): 201–19.
- Osip i Nadezhda Mandel'shtamy v rasskazakh sovremennikov*. Prefaced, edited and annotated by O. S. Figurnova, and M. V. Figurnova. Moscow: Natalis, 2002.
- Otsup, N. "Boris Pasternak." *Zveno* 5 (1928): 260–66.
- Pasternak, B. "Stikhi." In *Vesennee kontragentstvo muz: Sbornik*. Edited by D. Burluuk, and S. Vermel', 43–47. Moscow: Izdanie Studii D. Burliuuka i Sam. Vermel', 1915.
- . "Okhrannaia gramota." *Krasnaia nov'* 5/6 (1931): 32–46.
- . *Essai d'autobiographie*. Paris: Gallimard, 1958.
- . *I Remember: Sketch for an Autobiography*. Translated with a preface and notes by David Magarshak. New York: Meridian Books, 1960.
- . "Liudi i polozheniia: Avtobiograficheskii ocherk." *Novyi mir* 1 (1967): 204–36.
- . "Letter to Iu. I. Iurkun [from July 14, 1922]." Published by G. Shmakov. *Glagol* 1 (1977): 189–93.
- . "Iz perepiski s pisateliami." Prefaced and published by E. B. Pasternak, and E. V. Pasternak. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 93, *Iz istorii sovetskoi literatury 1920–1930-kh godov: Novye materialy i issledovaniia*, 649–737. Moscow: Nauka, 1983.
- . *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem*. Prefaced by V. N. Al'fonsov. Edited and annotated by E. V. Pasternak, and V. S. Baevskii. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2003.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 5, *Stat'i, retsenzii, predisloviia. Dramaticheskie proizvedeniia. Literaturnye i biograficheskie ankety. Neokonchennye nabroski. Stenogrammy vystuplenii*. Edited and annotated by E. B. Pasternak, and E. V. Pasternak. Moscow: Slovo/Slovo, 2004.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 7, *Pis'ma 1905–1926 gg*. Edited and annotated by E. V. Pasternak, and M. A. Rashkovskaia. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- Pasternak, Evgenii and Elena Pasternak. *Zhizn' Borisa Pasternaka: Dokumental'noe povestvovanie*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda," 2004.

- Peterburg Akhmatovoi: Vladimir Georgievich Garshin*. Edited and annotated by T. S. Pozdniakova. Saint Petersburg: Nevskii Dialekt, 2002.
- Pugacheva, E. V. "Transformatsiia simvola 'rozy' v poezii Anny Akhmatovoi." *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* 90, no. 10 (339) (2014): 102–05.
- Seslavinskii, M. V. "Pasternak na knizhnoi polke: K 125-letiiu so dnia rozhdeniia poeta." *Pro knigi: Zhurnal bibliofila* 1 (33) (2015): 50–63.
- Shakespeare, W. *Romeo i Juliet'ta*. Translated from the English by B. Pasternak. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo Khudozhestvennoi literatury, 1944.
- Siniavskii, A. D. "Poeziia Pasternaka." In *Stikhotvoreniia i poemy*, by Boris Pasternak. Prefaced by A. D. Siniavskii. Edited and annotated by L. A. Ozerov, 9–62. Moscow and Leningrad: Sovetskii pisatel', 1965.
- Smirnov, I. P. *Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka)*. Wiener Slawistischer Almanach 17. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1985.
- Strygina, E. I. "Mifopoetika knigi A. Akhmatovoi 'Trostnik.'" In *Piatyi etazh: Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh statei molodykh uchenykh*. Vol. 7, 40–44. Barnaul: n. p., 2021.
- Timenchik, R. "K izucheniiu iazyka russkoi poezii 20 veka." In *Materialy 26 nauchnoi studencheskoi konferentsii: Literaturovedenie. Lingvistika*, 58–59. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1971.
- . "Raspisan'e i Pisan'e." In *Temy i variatsii: Sbornik statei i materialov k 50-letiiu Lazaria Fleishmana. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*. Edited by K. Polivanov, I. Shevelenko, and A. Ustinov. Stanford Slavic Studies, vol. 8, 70. Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 1994.
- . "Iz Imennogo ukazatelia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi." In *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Vol. 7, *K 120-letiiu so dnia rozhdeniia poeta*, 37–82. Sympheropolis: Krymskii arkhiv, 2009.
- . "Sergei Spasskii i Akhmatova." *Toronto Slavic Quarterly* 50 (2014): 85–134.
- . *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul'tury; Gesharim, 2017.
- . "Iz Imennogo ukazatelia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi." *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 6 (2018): 207–35.
- . *Istoriia kul'ta Gumileva*. Moscow: Mosty kul'tury, 2018.

- . “O letopisi poetovoi: Naprimer, Akhmatova.” *Slavica Revalensia* 8 (2021): 178–237.
- . “Shkola chitatelei Gumileva: Sem’ uchenikov (Pribludnyi, Kedrin, Mochalova, Pasternak, Mandel’shtam, Tsvetaeva, Akhmatova).” *Literatūra* 64, no. 2 (2022): 67–78.
- Tsvetaeva, M. and B. Pasternak. *Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak: Dushi nachinaiut videt’: Pis’ma 1922–1936 godov*. Edited by E. B. Korkina, and I. D. Shevelenko. Moscow: Vagrius, 2004.
- Venclova, T. et al. *Anna Akhmatova: Poslednie gody. Rasskazyvaiut Viktor Krivulin, Vladimir Murav’ev, Tomas Venclova*. Edited and annotated by O. E. Rubinchik. Saint Petersburg: Nevskii Dialekt, 2001.
- Vertinskii, A. *Dorogoi dlinnoi...* Moscow: Pravda, 1991.
- Vil’mont, N. *O Borise Pasternake: Vospominaniia i mysli*. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1989.
- Voloshina M. (M. V. Sabashnikova). *Zelenaia Zmeia: Istoriia odnoi zhizni*. Translated from the German by M. N. Zhemchuzhnikova. Prefaced by S. O. Prokof’ev. Moscow: Enigma, 1993.
- Weidlé, W. “Pasternak i modernizm.” In *Mosty: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al’manakh*. Vol. 6, 119–32. Munich: Izdatel’stvo Tsentral’nogo ob”edineniia politicheskikh emigrantov iz SSSR, 1961.